

В конце концов, Линь Дунцин ведь была женщиной.

Бай Цзиньжун тихо вздохнула. Когда она избавит Линь Дунцин от злых помыслов, их пути разойдутся навсегда. Она вернётся в мир, и у неё вовсе не было планов проводить свою жизнь с женщиной.

Женщине и одной-то в этом мире выжить достаточно трудно, а уж двум, что попрали законы природы и людской уклад — тем более. С тех пор как её выдали замуж за того ничтожного мужчину из клана Шэн, она вдоволь нахлебалась презрения и насмешек. Если у неё будет шанс начать всё сначала, она хочет лишь одного — стать обычным, простым человеком.

На следующий вечер, после ужина, Линь Дунцин снова пристала к Бай Цзиньжун с шалостями.

Бай Цзиньжун не хотела, но Линь Дунцин силком, полутаща-полууговаривая, утянула её на постель. В суматохе одежда на ней распахнулась.

Линь Дунцин, уставившись невидящим взглядом на грудь, что угадывалась под нижней рубашкой, заторопилась, принялась мять её руками, а потом потянулась и впиалась в губы Бай Цзиньжуна поцелуем.

Второе воплощение.

— Дунцин... полегче, — Бай Цзиньжун, глядя на её покрасневшие, словно бешеные глаза, испугалась не на шутку и попыталась оттолкнуть её.

— Вдовушка, ты такая красивая, — засмеялась Линь Дунцин. — Пирожки большие и мягкие, рук не оторвать.

Линь Дунцин уже разошлась вовсю, как вдруг наострила уши, подняла палец и приложила к губам:

— Кто-то вошёл.

Она только спрыгнула с постели, как увидела, что в комнату входят Чэнь Бяо, Линь Вэньцзин и ещё двое. Увидев Бай Цзиньжуна в растрёпанной одежде, они так и впились в неё глазами.

Линь Вэньцзин, у которого глаз был самым острым, заметил край чего-то, выглядывающий из-под слегка распахнутой одежды Линь Дунцин. Он потянулся и выхватил эту вещь.

— Ого, это что же такое? До чего ж душисто, — сказал он, зажав в руке лифчик Линь Дунцин и поднося к носу.

— Что же это, Дунцин? Ты, мужик, зачем бабий лифчик носишь?

Чэнь Бяо тоже не оплошал — схватил валявшийся рядом лифчик Бай Цзиньжун.

— Вот это по-нашему, жаркая сцена, аж у брата кровь закипела, — рассмеялся он.

Линь Дунцин с размаху опрокинула стол, швыряя его в нападавших, и, схватив Бай Цзиньжун за руку, бросилась к выходу.

— Быстрее, зови людей! — крикнула Линь Дунцин, выталкивая Бай Цзиньжун за дверь, но в тот же миг Чэнь Бяо перехватил её за шею и потащил обратно.

— Вдову хватайте! — заорал Линь Вэньцин.

Линь Дунцин изо всех сил укусила Чэнь Бяо за руку, намертво упёрлась спиной в дверь и выругалась:

— Ну что, щенок, ты посмел тронуть мою женщину? А ты себя-то хоть оценил, есть ли у тебя на это право?

— Ещё рот раскрываешь?! Ты, дрянь баба, корчишь из себя крутого! «Твоя женщина», тьфу! — выругался Чэнь Бяо и отвесил ей пощёчину.

Линь Дунцин вытерла кровь с уголка губ и плюнула Чэнь Бяо в лицо.

— Я на тебя смотрю, — продолжала она ругаться, — ты как тот кобель на улице, что ни день — так течёт. Только и думаешь о бабах, а денег в бордель сходить нет, вот и промышляешь мелким воровством. Даже мне за тебя стыдно!

— Бесстыжая твоя морда! А если уж совсем невтерпёж — вон за углом, под жёлтым деревом, сука привязана, ступай туда, — не унималась Линь Дунцин.

— Да я тебе сейчас рот порву! — Чэнь Бяо вlepил ей две звонкие пощёчины и прижал к двери.
— Давай, зови свою любовницу назад!

— Дунцин! — Бай Цзиньжун колотила в дверь снаружи. — Дунцин!

— Беги за помощью, я в порядке. Этой швали меня не сломать, — крикнула Линь Дунцин. — Вдовушка, ты знаешь, кто я. Уходи!

Чэнь Бяо прижал её к двери и начал срывать одежду.

— Правда? Дай-ка я погляжу, кто ты на самом деле — мужик или баба?

Он впился зубами ей в шею.

— Давай, кричи, пусть твоя полюбовница послушает!

Линь Дунцин, стиснув зубы, отчаянно вырывалась, но не проронила ни звука.

Бай Цзиньжун, не переставая, колотила в дверь.

— Отпустите Дунцин сейчас же! — закричала она. — Люди! Воры!

Чэнь Бяо попытался оттащить Линь Дунцин от двери, но она, вцепившись в засов, молчала, только прокусила губу до крови, и кровь текла по подбородку.

— Идите сюда! Оттащите её! — рявкнул Чэнь Бяо.

Линь Вэньцзин и двое других навалились, прижав руки и ноги Линь Дунцин к полу. Чэнь Бяо открыл дверь — снаружи уже никого не было. Он снова запер дверь, позеленев от злости, и принялся расстёгивать штаны.

— Сегодня ночью я тебя проучу! Будешь орать или нет?! — Он попытался разжать ей челюсть.
— Ты же такая была языкая! Чего же теперь молчишь?

Линь Вэньцзин придавил её руки к полу и похлопал по щеке.

— Скажи пару ласковых, попроси брата, позови вдову обратно — и мы останемся друзьями. А не то — сегодня тебе несдобровать.

Линь Дунцин подняла глаза и злобно уставилась на него, потом вдруг оскалилась в усмешке и, усмехнувшись, плюнула ему в лицо.

— Раздвинь ноги! — приказал Чэнь Бяо.

Линь Дунцин внезапно лягнула того, кто держал её за ноги, и вцепилась зубами в ухо Линь Вэньцзина так, что изо рта у неё хлынула кровь, а Линь Вэньцзин заорал от боли.

— Чёрт, ты ищешь смерти! — Чэнь Бяо схватил её за плечо и изо всей силы ударил кулаком в живот. От боли Линь Дунцин согнулась, прижимая руки к животу.

Но она не мешкала — тут же заехала ногой Чэнь Бяо между ног, так что он подскочил на месте, взыв.

Линь Вэньцзин, зажимая окровавленное ухо, в ярости схватил палку и шагнул вперёд.

Линь Дунцин, заметив у дров тесак, на лету подхватила его и начала размахивать им, пытаясь держать нападавших на расстоянии.

— Не подходите, а не то я вас убью! — крикнула она.

— А у тебя получится?! — Линь Вэньцзин со всей силы опустил палку ей на ногу, а затем ещё раз — по голове.

Линь Дунцин пошатнулась, по голове потекла кровь, и она, обессиленная, осела на пол.

— Держите её крепче! — прохрипел Чэнь Бяо, подходя к ней вразвалку и на ходу подхватывая табуретку, чтобы швырнуть в неё.

Один из нападавших навалился на руку Линь Дунцин, пытаясь вырвать тесак, а Линь Вэньцзин снова ударил её палкой по колену.

— Стань калекой, — выплюнул он. — На всю жизнь ты теперь только и годишься, что быть калекой.

Бай Цзиньжун, распахнув дверь, увидела, как Линь Дунцин, прижатая к полу, лежит в луже крови, не произнося ни слова.

Бай Цзиньжун застыла в тени, и на её потемневшем лице нельзя было прочесть никаких чувств.

Тесак в руке Линь Дунцин вонзился Линь Вэньцзину в живот. Кровь брызнула фонтаном, заливая ей лицо.

— Убийство! — Чэнь Бяо, оторопев от страха, на мгновение замер, а потом бросился назад. Те двое последовали за ним, перемахнув через стену.

Бай Цзиньжун смотрела на неё с печалью в глазах и медленно подошла.

Линь Дунцин улыбнулась. Окровавленный нож выпал из её руки на пол.

Зрачки Бай Цзиньжуна резко сузились. Всё пропало. Искоренить злые помыслы — не удалось.

— Уходи. К этой ночи ты не имеешь никакого отношения, — Линь Дунцин помедлила и улыбнулась. — Вдовушка, ты такая красивая.

С этими словами она полоснула себя ножом по горлу и упала в лужу крови.

Бай Цзиньжун прижала её к себе, тщательно вытерла ей лицо платком, а затем прижала платок к горлу, пытаясь остановить хлещущую фонтаном кровь.

Линь Дунцин из последних сил подняла руку, сжала грудь Бай Цзиньжун, улыбнулась и замерла.

Перед смертью Линь Дунцин из первого воплощения сказала: «Я за всю жизнь ни разу не заключала убыточных сделок. Только ты одна заставила меня прогореть до нитки».

Она тоже сжала грудь Бай Цзиньжун и улыбнулась:

— Квиты.

У Бай Цзиньжун защипало в носу. Она медленно взяла её руку, прижалась к ней щекой, потерлась и тихо вздохнула:

— Глупая.

Перед глазами вспыхнул белый свет, и Бай Цзиньжун обнаружила, что снова вернулась в подземный мир.

Судья, куря благовония и перебирая струны цитры, поднял голову:

— Получилось?

— А? — не поняла Бай Цзиньжун. — Почему?

— Почему? — уголки губ Судьи дрогнули. — Перед смертью она подавила в себе гнев. Выбрала молчание, чтобы защитить тебя. Ты спрашиваешь — почему?

Судья покачал головой и указал Кистью Судьи на неё:

— Ты для Звёздного Владыки Цинцую — напасть.

Было очевидно, что отношение Судьи к ней переменилось. Кто бы после того, как Линь Дунцин

из-за неё погибла дважды, сохранил к ней доброе расположение?

Третье воплощение. Одержимость.

Бай Цзиньжун, падая, приземлилась в кусты и больно ударилась всем телом. Мысленно она обругала Судью.

Опыт первого воплощения научил её приземляться бесшумно, чтобы не случилось чего-то неожиданного и не пошло всё прахом.

Бай Цзиньжун медленно раздвинула ветки и увидела перед собой горячий источник. От воды поднимался пар, в мягком лунном свете изредка слышался плеск. В источнике мылась женщина, совершенно голая, беззаботно напевавшая песенку.

Её длинные волосы доставали до ягодиц. Спина была стройной, фигура — точёной, кожа — белой и нежной. Даже издали было ясно, что она — редкая красавица.

«Неужели это Линь Дунцин?» — прищурилась Бай Цзиньжун, приглядываясь. Судя по тому, что она знала о Линь Дунцин за два воплощения, у той не было такой фигуры.

Внезапно слева послышался лёгкий шорох. Бай Цзиньжун обернулась и увидела, что из кустов высунулась голова. В лунном свете её было отлично видно — это была Линь Дунцин.

Она сидела на корточках в кустах, не отрываясь глядя на женщину, и тяжело дышала.

«Неисправимый бабник, — пробормотала Бай Цзиньжун. — Злой помысел в этом воплощении — одержимость. Неужели это одержимость женщинами?»

Бай Цзиньжун в замешательстве нахмурилась.

«И как же это искоренить? Разве что заставить её возненавидеть женщин».

Когда кто-то приблизился, Бай Цзиньжун собралась бежать, но тут листья зашуршали, и, обернувшись, она увидела, что Линь Дунцин исчезла.

— Кто здесь? Что ты там делаешь?! — Кто-то подошёл быстрыми шагами. Бай Цзиньжун не успела убежать, её схватили.

— Ты из какого двора служанка? Как ты сюда, на Озеро Сиюэ, попала? — закричал подошедший.

— Я, я... я новая служанка, — опустив голову, пролепетала Бай Цзиньжун, пытаясь вспомнить воспоминания этого тела. Они были почти полностью отрывочными, бессвязными. Похоже, эта девушка была недалёкого ума.

— А, новая служанка. Слышала, что среди этой партии действительно есть одна-две глуповатые, — сказала подошедшая, одетая в такую же одежду служанки, как и Бай Цзиньжун, но постарше, более мягким голосом. — Подожди здесь. Когда госпожа уйдёт, я за тобой приду и отведу обратно.

Бай Цзиньжун сжала губы. Выходит, в источнике мылась госпожа, хозяйка усадьбы.

«Ну и смелая же ты, Линь Дунцин».

Бай Цзиньжун постепенно вжилась в новую обстановку. Она поняла, что находится в знаменитой на весь мир Вилле Пересекающихся Мечей. Хозяина виллы звали Линь Цзяньхэн, и он был первым мечником в мире. А женщина, которую она видела в источнике, была его женой, Е Чжицю.

Бай Цзиньжун никак не ожидала, что уже на второй день после прибытия в усадьбу увидит Линь Дунцин.

Та, что вчера кралась в кустах, подглядывая за купающейся женщиной, сегодня, одетая в расшитые одежды, с нефритовой шпилькой в волосах и мечом, инкрустированным самоцветами, у пояса, сидела в зале, перебирая в руках напалечник, и вся излучала богатство и знатность.

— Вторая госпожа, — служанки опустились в поклоне.

Бай Цзиньжун не могла прийти в себя. Линь... Линь Дунцин... она — Вторая госпожа, сестра хозяина усадьбы. И она подглядывала за тем, как моется её невестка.

У Бай Цзиньжун потемнело в глазах, но самое главное сейчас было — как можно быстрее приблизиться к Линь Дунцин, чтобы искоренить её злые помыслы.

Линь Дунцин, заложив руки за спину, подошла к шеренге служанок, оглядела каждую и остановилась перед Бай Цзиньжун. Веером в руке она ткнула в плечо Бай Цзиньжун:

— Вот эту.

Третье воплощение.

Остальные служанки смотрели на неё с завистью.

— Подумать только, Вторая госпожа выбрала эту дурочку, — пробормотала кто-то.

Бай Цзиньжун, подыгрывая ожиданиям, изобразила невинную и глуповатую улыбку.

— Отныне ты будешь личной служанкой Второй госпожи. Цуэр научит тебя порядку, — сказала старая няня.

Проведя целый день, изучая порядки в усадьбе, Бай Цзиньжун, наконец, принесла горячую воду, чтобы помочь Линь Дунцин умыться.

К счастью, в усадьбе жили люди из мира боевых искусств, и порядки были не слишком обременительными. К тому же...

Бай Цзиньжун смотрела, как Линь Дунцин сама намочила полотенце и умылась, делая многое сама, что облегчало задачу.

— Знаешь, почему я сегодня выбрала тебя? — спросила Линь Дунцин, когда Бай Цзиньжун, неся таз, собралась выходить.

Бай Цзиньжун обернулась и, увидев знакомое лицо Линь Дунцин и её давно забытую улыбку, на мгновение застыла.

Линь Дунцин приблизилась к ней, её дыхание обжигало лицо. Лицо приближалось всё больше, и Бай Цзиньжун на миг почудилось, что перед ней тот самый маленький нахал, который улыбался и кричал: «Вдовушка, у тебя пирожки большие!»

Линь Дунцин провела пальцем по покрасневшей щеке Бай Цзиньжун и, приблизившись к самому уху, прошептала:

— В ту ночь я тоже тебя видела.

— М? — опешила Бай Цзиньжун и увидела, как Линь Дунцин улыбается. — Я оставляю тебя рядом с собой, чтобы присматривать. Если проговоришься — убью.

Бай Цзиньжун опустила глаза и тихо ответила:

— Я не посмею.

— И не смей, — Линь Дунцин постучала её по плечу веером. — Позже пойдёшь со мной.

Когда наступила глубокая ночь, Линь Дунцин позвала Бай Цзиньжун. Они шли петляя, пока не

оказались перед каким-то домом. В переднем дворе было много ночных фиалок, в воздухе разливался их сладкий аромат, белые лепестки раскрывались один за другим.

— Стой снаружи и карауль. Если кто-то появится, издавай звуки сверчка, — Линь Дунцин заглядывала внутрь.

— Я не умею. Как сверчок стрекочет? — Бай Цзиньжун, нервничая, потянула её за рукав. — Дун... Дунцин.

Линь Дунцин стукнула её веером по голове.

— Без правил! Зови Вторая госпожа! — она сердито зыркнула на Бай Цзиньжун. — Говорят, ты дура. Ладно, сверчка не знаешь, а лаять по-собачьи умеешь?

Бай Цзиньжун кивнула и послушно присела на корточки в углу, сторожить.

Она обернулась и увидела, как Линь Дунцин, взмыв в воздух, приземлилась на карниз крыши, а затем, крадучись, начала отдиравать черепицу, заглядывая внутрь.

— А Э, вскипяти воды. Госпожа, пока отдохните, — дверь отворилась, и вышла служанка. Она показалась Бай Цзиньжун знакомой — это была та самая, что видела её в ту ночь.

Значит, в доме — госпожа, хозяйка усадьбы, Е Чжицю.

Как только А Э ушла, Бай Цзиньжун увидела, как Линь Дунцин скользнула с крыши и, ловкая, как кошка, юркнула внутрь.

Бай Цзиньжун подумала и, крадучись, подошла к дому. Пальцем она проткнула дырочку в бумажном окне и, прищурившись, заглянула внутрь.

Е Чжицю лежала, уронив голову на стол, лицом вниз, на руку. Её длинные чёрные волосы рассыпались, открывая изящный и прелестный профиль.

Линь Дунцин сидела на корточках рядом с ней. В отражении глаз Бай Цзиньжун на её лице было написано исступлённое восхищение. Она, не отрываясь, разглядывала лицо Е Чжицю.

Линь Дунцин, пошарив у себя за пазухой, достала платок, провела им по лицу, поднесла к носу и, легко вдохнув запах, медленно провела пальцами по волосам Е Чжицю.

Лицо Бай Цзиньжун выражало озабоченность. Злой помысел этого воплощения, одержимость — была направлена на её невестку?

Неудивительно. Такая одержимость — тоже зло, идущее вразрез с общепринятой моралью.

Линь Дунцин, бережно накрыв платком голову Е Чжицю, заставила Бай Цзиньжун замереть. То был вовсе не платок, а явно женский лифчик.

Сквозь шёлк лифчика Линь Дунцин медленно прижалась щекой к лицу Е Чжицю, тёрлась о него. Мягкая шелковая ткань скользила по её губам, потихоньку, сантиметр за сантиметром.

Жар и исступление в глазах Линь Дунцин были хорошо знакомы Бай Цзиньжун, но когда предмет её страсти сменился, в душе появилось странное чувство.

По логике, Линь Дунцин из-за её любовной напасти перерождалась семь раз, и, как в первые два воплощения, между ними должна была существовать незримая связь.

Но Бай Цзиньжун и подумать не могла, что в этот раз всё пойдёт наперекосяк.

«А что, если перенести одержимость Линь Дунцин на себя? Может, это и будет искоренением злого помысла в этом воплощении?»

Бай Цзиньжун не была уверена, но решила попробовать.

Где-то неподалёку слышались шаги. Бай Цзиньжун два раза гавкнула, и в тот же миг из дома выскользнула тень и исчезла.

Бай Цзиньжун, опешив на мгновение, медленно побрела обратно.

— Цуэр, а где хозяин? Что-то его не видно? — поинтересовалась Бай Цзиньжун, выведывая, где находится Линь Цзяньхэн, хозяин усадьбы. По крайней мере, при нём Линь Дунцин будет меньше буйствовать.

— Хозяин — одержимый мечом. Полгода назад он ушёл в затворничество и с тех пор не выходил, — ответила Цуэр. — Всеми делами в усадьбе управляет Вторая госпожа.

— Я заметила, что у Второй госпожи с госпожой хорошие отношения. Говорят, сегодня они снова пили чай, — спросила Бай Цзиньжун.

Цуэр улыбнулась:

— Вторая госпожа младше хозяина больше чем на десять лет. Когда ей было семь, она вернулась в усадьбу и сразу привязалась к госпоже, постоянно к ней льнула.

— Вернулась в усадьбу в семь лет? — ухватившись за её слова, с любопытством спросила Бай Цзиньжун.

— Говорят, ты дура, а ты не дура, — засмеялась Цуэр. — Я слышала, что Вторую госпожу старый хозяин привёз откуда-то. Может, она — дочь какой-то женщины на стороне? Но никто не смеет об этом говорить.

Возможно, из-за того, что Бай Цзиньжун выглядела глуповатой, ей никто не докучал, и это, наоборот, помогало выведывать дела в усадьбе.

Ночью Бай Цзиньжун, только войдя в комнату с тазом, увидела, как Линь Дунцин сжимает в руках лифчик, мнёт его, явно не в силах выпустить из рук.

Заметив вошедшую Бай Цзиньжун, Линь Дунцин взяла стоявшую рядом шкатулку и осторожно убрала лифчик внутрь.

Бай Цзиньжун скользнула взглядом по шкатулке. В ней лежали женские вещи: кисет, платок, пояс и два-три аккуратно сложенных лифчика.

Линь Дунцин заперла шкатулку, прижала её к себе, как сокровище, и, криво усмехнувшись, посмотрела на Бай Цзиньжун, подзывая её, как собачку:

— Байбай, иди сюда.

Бай Цзиньжун пришлось притвориться дурочкой. Она присела на корточки перед Линь Дунцин, подняла на неё глаза, ясные и невинно хлопающие.

— Вторая госпожа, что в шкатулке?

— Сокровище, — Линь Дунцин погладила шкатулку и улыбнулась. — Пойдём сегодня вечером к сестрице Е, хорошо?

Бай Цзиньжун покачала головой:

— Нет. — Она изобразила испуг. — Вторая госпожа всегда бросает меня, а я убегаю. Прошлой ночью Цуэр приняла меня за вора и побила, больно.

Линь Дунцин, как собачку, потрепала её по голове.

— Байбай, а если пойдёшь сегодня вечером, я дам тебе мяса, хорошо?

«И правда считает меня душой», — Бай Цзиньжун мысленно закатила глаза, но с радостным видом обняла её.

— Вторая госпожа, хорошо, будет мясо! — воскликнула она.

Мягкое, тёплое тело прижалось к ней, от него исходил аромат, не похожий на запах Е Чжицю. Линь Дунцин, отстранившись, оттолкнула Бай Цзиньжун, лицо её потемнело.

— Без правил, — сказала она.

Бай Цзиньжун потерла нос. «Похоже, я ей совсем не интересна».

Когда настала ночь, Бай Цзиньжун сказала Цуэр:

— Сегодня я неважно себя чувствую. Ты пойдёшь обслужи Вторую госпожу вместо меня.

Услышав шаги, Линь Дунцин с нетерпением распахнула дверь:

— Байбай, пошли!

— Вторая госпожа, — Цуэр опустилась в поклоне.

— Это ты? А где Байбай? — слегка нахмурившись, спросила Линь Дунцин.

Цуэр была в усадьбе старожилой, с мягким, покладистым характером, но при этом упрямая, как осёл.

— Байба сказала, что ей нездоровится, и попросила меня прислужить, — опустив голову, тихо ответила Цуэр.

— Днём она выглядела здоровой, как бык. Нездоровится? Хм, — фыркнула Линь Дунцин. «Эта, что ли, прячется?»

— Ступай, ты не нужна, — махнула рукой Линь Дунцин. Однажды, когда она тайком пробиралась к Е Чжицю, Цуэр, обнаружив, что её нет, подняла тревогу, била в гонги, обыскала всё вокруг, и её чуть не раскрыли.

Линь Дунцин, нахмурившись, направилась к дому Бай Цзиньжун. «Эта цепная собака посмела отступить».

Дверь была не заперта. Линь Дунцин толкнула её и вошла. В клубах пара она увидела Бай Цзиньжун: длинные волосы распущены по спине, обнажённая спина, тонкие плечи, осиная талия, которую можно было бы обхватить пальцами.

<http://bllate.org/book/21201/2145990>